

СЛАБОЕ ЗВЕНО

Рассказ

Юлия Викторовна Стрельникова родилась в городе Бузулуке Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный педагогический университет. Работала библиотекарем, учителем русского языка и литературы, корреспондентом на телевидении. Редактор детского журнала «Гостиный Дворик», приложения к литературному журналу «Гостиный Дворь». Живёт в Оренбурге.

Ночь медленно отступает, унося с собой холодный дымно-синий туман. Тёплое августовское солнце величественно поднимается над горизонтом, его первые косые лучи уже проникают в квартиру Хрусталёвых, расположенную в одной из старых панельных многоэтажек.

На плите аппетитно шипит и скворчит яичница с ветчиной и гренками, издавая бесподобный аромат, но Лена держит сковороду на вытянутой руке и старательно отворачивается: совсем недавно вид и запах пищи стали вызывать у неё отвращение.

Чтобы отвлечься и не смотреть на еду, она подошла к окну и прижалась лицом к холодному запотевшему стеклу. Капли воды медленно скатывались вниз, в пути соединялись друг с другом, образуя на стекле причудливые дорожки слёз. Лена рассеянно водила пальцем, соединяя эти дорожки в одну. Неужели опять?

Неужели ей придётся пройти через всё это ещё один раз?

— Ленуль, завтрак готов? — Андрей быстрым шагом прошёл на кухню и обнял жену за плечи. — Что это с тобой сегодня?

— Ничего. Я просто думаю... В общем, мне кажется, что я... — забормотала она.

— Давай потом, ладно? — Андрей взглянул на часы, садясь за стол. — Опаздываю на работу. Ты для Насти пакет собрала? Я в сад её завезу.

— Да, конечно, около двери стоит.

Громко топая, вбежала двухлетняя Настя.

— Ма-ам! Пока! Двель заклой кьепко-кьепко, чтобы волк не плищёл. А мой дьякон будет тебя охлаждать, — и сунула в руки матери мягкую игрушку.

— Конечно, закрою, — улыбнулась Лена, расчёсывая её мягкие непослушные кудряшки.

Андрей подхватил дочь и побежал к машине. Повернув защёлку, Лена прислонилась спиной к двери и уткнулась лицом в мягкого зелёного дракона. Как только она осталась одна, тошнота навалилась с удвоенной силой.

— Уж лучше бы вырвало, — с отчаянием подумала она, — но нечем, в желудке-то ничего нет.

И тут её осенило.

— Хлеб! Надо пожевать немного хлеба. Пожевать и проглотить. И тогда всё пройдёт. Желудок будет занят привычной работой и перестанет безудержно содрогаться.

Отломив кусок хлеба, Лена тщательно прожевала его, ощущая, как рот заполняется противной сладковатой слюной, и тут вдруг поняла, что проглотить всё это просто не может. Выплюнув хлебную кашлицу в мусорное ведро, она швырнула дракона на диван и быстрым шагом заходила по коридору, стараясь смотреть в потолок и постоянно сглатывая слюну.

— Ведь уже хотела выходить из декрета, Настюшку к садику приучила, — с тоской думала она. — Да и Тамара Ивановна недавно звонила, говорит, пятый класс брать некому, ждут меня. А мне, похоже, ещё раз придётся пройти этот «квест» с прелестями токсикоза, бессонными ночами и кучей грязных ползунков. Я всё время одна, — распяляла она себя, не замечая, что уже говорит вслух. — Никому нет до меня дела. Сколько мне ещё мучиться? Вот сделаю аборт, и ничего этого не будет!

И тут... Как будто холодная змейка проползла по шее... затем скользнула на грудь и, не задержавшись в складках лёгкого халатика, с печальным металлическим звоном упала на кафельный пол.

Девушка вздрогнула и замерла в оцепенении, прижав руки к груди. На полу лежала её золотая цепочка с крестиком.

— Фу-ух! — наконец выдохнула Лена. — Ну я и испугалась! Чуть душа в пятки не ушла. Цепочка разошлась... да такое бывает сплошь и рядом. Но чтоб именно

в такой момент? Вот уж совпадение! Ничего, — успокаивала она сама себя, — сейчас закреплю, и всё будет в порядке.

Подхватив с пола цепочку, она положила её на комод и внимательно осмотрела. Конец цепочки был ровным, с аккуратно закреплённым последним звеном. Схватив другой конец, Лена с удивлением обнаружила то же самое. Странно! Впечатление такое, что одно звено просто исчезло.

Опустившись на колени, она обшарила пол, перетряхнула всю одежду и обувь. Бесполезно! И вот тут ей стало по-настоящему страшно.

— Что это такое? Что происходит? Ничего не понимаю!

Лена растерянно взглянула в зеркало. На неё смотрела худенькая темноволосая девушка с бледным лицом и испуганными глазами. Несмотря на свои двадцать семь лет, она казалась подростком, а толстые линзы очков лишь подчёркивали её незащищённость. Выпрямившись в струнку и в упор посмотрев на своё отражение, Лена тихо произнесла:

— Я больше так не могу. Не могу быть одна!

Она быстро накинула плащ, влезла в узкие лакированные туфли и опрометью выбежала из квартиры. Через полчаса она стучалась в дверь Светки Рожковой, своей подруги детства.

Светлана, высокая жизнерадостная девушка в спортивных шортах и майке открыла дверь и тут же весело схватила подругу за руки.

— Ленка! Молодчина, что пришла. Сейчас вместе будем игру по телеку смотреть. Проходи, садись, — тараторила она, — наливай колу, бери печенье, чипсы. Сейчас я ещё бутеров нарежу.

На экране телешоу было в самом разгаре. Участники решали, кто из них должен покинуть игру, а телеведущая с ледяным сарказмом подстёгивала их:

— Итак, кто сегодня вылетит из команды, как пробка из шампанского? Кто не смог издать ни одного членораздельного звука? У кого голова только для того, чтобы в неё есть?

Игроки ухмылялись и многозначительно переглядывались.

— На что поспорим, — хихикала Светка, хрустя печенькой, — выкинут вон того вихрастого, он ещё в самом начале игры цепочку из вопросов завалил.

Лена села в мягкое ворсистое кресло и задумчиво покрутила в руках чипсинку.

— Слушай, Свет! А чего она такая злая?

— Кто? Ведущая? А, ну это просто образ такой. А что, многим нравится.

— Ей бы ещё хлыст в руки дать... Для законченного образа.

— Да-а! — захохотала Светка. — Вот это здорово будет!

Лена тяжело выдохнула и медленно сглотнула слюну. Тошнота всё ещё не отпускала её. Отодвинув бокал с колой, она задумчиво произнесла:

— Как-то всё это неправильно. Ты же помнишь, Свет, как мы

играли в детстве? У нас даже девиз был мушкетёрский: «Один за всех и все за одного». А сейчас во всех играх только и обсуждается, кто будет следующей жертвой.

— Ну, что же ты хочешь? То время уже не вернуть. Но знаешь, Лен, и у нас многие игры были довольно жёсткими. Царь горы, например, казаки-разбойники, вышибалы. А как я тебя в «кандалы» учила играть, помнишь?

...Ух! Как же не помнить! Перед глазами сразу встают маленькая спортивная площадка перед школой и цепь ребят, крепко держащихся за руки. Слышен жаркий шёпот Светки: «Ты только не разжимай рук, слышишь? Ни за что не разжимай!» Их команда тоже выстроилась в цепочку и начинает игру протяжным речитативом: «Кан-да-лы за-ко-ва-ны, раз-бей-те нас!»

В центр выходит Генка из третьего подъезда. Это самый лучший вышибала в их дворе. Когда он бежит, набычившись и прижав к груди крепкие кулаки, многие в страхе заранее разжимают руки.

Опять шёпот Светки: «Ленка, держись! Выбивают всегда самых слабых. Очки хоть сними, дурочка! Ногами упрись! И это... рожу какую-нибудь зверскую сострой, что ли... А то вон Генка уже к тебе присматривается!»

Лена зябко поёжилась и зажмурила глаза. Точно так же, когда на неё стремительным метеором мчался Генка. Встречный

удар тогда сшиб её с ног, она упала навзничь, продолжая судорожно сжимать Светкину руку.

— Ничего-ничего! — суетилась вокруг неё Светка, отряхивая пыль с одежды и обтирая платком сбитые в кровь локти. — А ты молодец, не сдрейфила! Хотя и шлёпнулась, а рук не разжала. Значит, считается, что Генка не разбил цепь и теперь у нас в команде! Наши победили! — приподнявшись, громкогласно завопила она.

Лена глубоко вздохнула. Воспоминания детства постепенно таяли и исчезали, как лёгкая утренняя дымка в осенний день.

— Света, знаешь, я к тебе вообще-то по одному делу... — неуверенно начала она. — Сегодня утром я сделала одну вещь... подумала... ну, в общем... очень плохое. И моя цепочка с крестиком... Представляешь, она разорвалась просто так, сама собой!

— Так... Я что-то не поняла, ты подумала или сделала?

— Подумала.

— Вот что, подружка... — Светлана побарабанила пальцами по столу. — Ты хотя бы представь, сколько мерзостей у нас проносятся в мыслях за всю жизнь? И что, за каждую мысль ждёт расплата? Я так считаю, надо на дела больше обращать внимание... А мысли, что они? Прилетели-улетели...

Светлана остановилась, подошла и обняла её за плечи:

— Лен, ты что-то не в себе. Ничего не болит? Голова? Может, тебе прилечь?

— Перестань, я в порядке.

— Нет, ты не в порядке. Ты бледная как смерть. Это что, происшествие с цепочкой так тебя напугало? Ну, Ленка, нельзя же быть такой впечатлительной!

Немного подумав, она добавляет:

— Знаешь что? Идём сейчас к моей соседке тёте Нине. Она травы собирает, составляет всякие целебные сборы и наверняка тебе чем-нибудь поможет. Кстати, она в церкви работает, заодно и спросишь у неё о своей цепочке.

— Да ты что, Свет, неудобно как-то... — протянула Лена, но подруга уже схватила её за руку и потащила вниз по лестнице через несколько этажей.

Лена ожидала увидеть сухонькую старушку в платочке с чопорно поджатыми губами, но Нина Григорьевна Пожидаева оказалась женщиной средних лет, добродушной, полноватой, с круглым румяным лицом, на котором улыбка была так же естественна, как солнце в погожий майский день.

— Проходите, проходите, девочки! — приглашала она, подняв вверх перепачканные мукой руки. — Садитесь за стол, не стесняйтесь, а я сейчас с пирогом управлюсь.

Квартира Нины Григорьевны представляла собой нечто среднее между оранжереей и ботаническим садом: мало того, что все окна были заставлены горшочками с фиалками, фикусами и геранью, а углы занимали огромные кадки с раскидистыми

пальмами, так ещё и с потолка свисали ароматные пучки лекарственных трав.

Пушистый белый кот мягко вспрыгнул на диван и, мурча, потянулся к девушкам любопытной усатой мордочкой. Очевидно, чужих в этом доме не боялись.

Только сейчас Лена почувствовала себя спокойно и уверенно, куда-то исчезла противная тошнота, она с удовольствием пила душистый травяной чай с малиновым вареньем, а когда появился знаменитый тёти-Нинин пирог с капустой и рыбой, то уплетала его за обе щеки.

После чая Светлана увлеклась игрой с котом, а Лена подседа ближе к Нине Григорьевне и рассказала о разорванной цепочке.

— Как вы думаете, — тихо прозвучало, — это мне в наказание?

— Это не наказание, Леночка, а предупреждение. Ты же знаешь, что у каждого крещёного человека есть Ангел-хранитель, который старается уберечь нас от дурных поступков. Его помощь мы обычно не замечаем, а вот у тебя получилось и увидеть, и почувствовать.

Лена опустила голову и задумчиво тербила край узорчатой скатерти.

— Я вот чего не понимаю. Многие люди не носят крестик, да и вообще в Бога не верят. И с ними ничего не происходит, никаких предупреждений.

— Но ведь ты веришь... И крестик носишь. Значит, тебя есть за что дёрнуть. А их и не за что.

— А это маленькое звено от цепочки? Я его уже никогда не найду?

— Может быть, и найдёшь, — улыбнулась Нина Григорьевна. — Но, подумай, разве это так важно? Главное, что ты не сделаешь того, за что будешь раскаиваться всю жизнь.

Потом она вздохнула и уже серьёзно посмотрела на Лену:

— Леночка! Тебе обязательно нужно исповедоваться и причаститься. Сегодня в пять часов вечерняя служба, приходи, я отцу Иоанну о тебе скажу.

— Ой, нет! — испугалась Лена. — Он меня отругает, прогонит...

— Да ты что! — засмеялась Нина Григорьевна. — Батюшка никогда ещё никого не прогнал. А уж если новый человек в храм приходит, он особенно радуется.

— Ну, хорошо... — прошептала Лена. — Я приду. Спасибо вам большое за всё.

Домой она возвращалась успокоенная, прижимая к груди пакетики с сушёным шиповником, мятой и зверобоем.

Разорванная цепочка так и валялась на комод, сиротливо поблёскивая в лучах заходящего солнца. «Так... Что же с ней делать? — задумалась Лена. — В церковь ведь надо с крестиком идти». Она взяла тоненькую иголку и маникюрные ножницы, осторожно разогнула звено цепи на одной половинке, соединила с оставшимся отрезком цепочки и плотно прижала с помощью ножниц. Вот и закончена «операция»!

Правда, сердце сжимает необъяснимый страх: «А вдруг опять упадёт?» Ах да, вспомнила, что надо сделать. Лена надела цепочку и, придерживая её рукой, тихо, одними губами прошептала: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Потом глубоко вздохнула и разжала руку... Цепочка осталась на своём месте.

Когда она подошла к храму, служба уже началась. Даже через закрытую дверь слышался протяжный слаженный хор певчих. Лена в нерешительности остановилась. Ей казалось, что она находится на пороге какого-то нового, неведомого ей мира.

— Ладно, — подумала она. — Сейчас обойду вокруг церкви, чтобы с духом собраться, а уж потом зайду.

Шагая по узкой вымощенной дорожке, вспомнила, как впервые мама взяла её с собой в храм. Был праздник Троицы, и Лену восхищало всё: пол, покрытый мягкой душистой травой, обилие цветов, сверкающее паникадило с множеством свечей. А когда запел хор, она покрутила головой и, не найдя взглядом поющих, дёрнула мать за юбку и громко сказала: «Мама, слышишь? Ангелы запели!»

Вспомнив это, Лена грустно улыбнулась: когда она была маленькой, всё было так легко...

Обойдя вокруг храма, она робко остановилась у высокой чугунной решётки. В этот момент к воротам, крестясь, подходила

пожилая пара. Худой сутулый старик бережно поддерживал под руку свою прихрамывающую супругу, помогая ей преодолеть высокие каменные ступени. Они удивлённо взглянули на одинокую девушку, стоящую с потерянным видом у церковных ворот, но ничего не сказали.

— Что это они на меня так смотрят? — с раздражением подумала Лена. — Я, может быть, здесь просто гуляю. Что же, мне погулять нельзя, что ли?

И она снова зашагала по дорожке вокруг храма. Только сейчас заметила, сколько здесь цветов! Пышные огненно-красные георгины тихо склонили свои головы, строгие гладиолусы выпустили нежные розовые стрелки, кольщутся на ветру разноцветные махровые астры, а в центре царственно раскинулся куст тёмно-бордовых роз.

— Наверно, это тётя Нина здесь хозяйничает, — решила Лена. — Сразу чувствуется её рука.

Тут круг закончился, и девушка снова оказалась на том же месте.

— Да что я здесь делаю, в конце-то концов? — со злостью подумала она. — Мне домой давно пора, там дел куча, я уже столько всего переделала бы. Вот только перед Ниной Григорьевной неудобно как-то...

Она подошла к воротам и прижалась плавающим лбом к чугунной решётке. Сразу вспомнилось всё: мучительная изнуряющая тошнота, холодный блеск падающей цепочки и металлический, обладающий ледяным презрением голос телеведущей: «**ВЫ САМОЕ СЛАБОЕ ЗВЕНО! ПРОЩАЙТЕ!**»

— Ну уж нет! — Лена решительно потрянула головой, стремглав взбежала по каменным ступенькам и рывком открыла дверь.